

Проф. А. Челинцев, В. Матюхин, И. Никитин. Динамика крестьянского хозяйства (по материалам динамических переписей ЦСУ за 1920—26 гг.). Труды Института с.-х. экономии. Выпуск XXXVII. Изд. Книгосоюз. Москва, 1928 г., ц. 3 р. 50 к.

Рецензируемая работа охватывает период в 7 лет — срок достаточно продолжительный для того, чтобы можно было путем статистических наблюдений уловить важнейшие закономерности этой эволюции, особенно, если принять в расчет массовость изучаемых явлений. Правда, весь этот период целиком относится к восстановительному процессу сельского хозяйства (включающему в себе, разумеется, как и весь процесс хозяйственного восстановления, значительные элементы реконструкции). Весьма возможно поэтому, что некоторые закономерности или тенденции, наблюдаемые в этот период, в крестьянском хозяйстве, изменят свой характер и темп или исчезнут совершенно после перевала через дореволюционный уровень, как это, например, установлено в отношении промышленности. К сожалению, эта сторона вопроса совершенно не затронута авторами рецензируемого труда и, насколько нам известно, вообще не привлекла пока внимания печати. Но и с учетом этих ограничительных факторов произведенное исследование сохраняет огромное значение. Другое обстоятельство, которое необходимо принять во внимание, состоит в том, что рассматриваемая работа построена на весьма узком базисе. Динамические переписи ЦСУ охватывали за последние годы около 3% всех крестьянских хозяйств (700 тысяч дворов), т.-е. значительно более узкий круг, чем так называемые весенние опросы, производимые по менее обширной программе, но охватывающие 10% дворов. Что касается данного исследования, то оно построено на выборке второго порядка. Из всего материала переписей разработано всего восемь „гнезд“, представляющих наиболее резко отличные друг от друга районы (Вятскую, Ярославскую, Смоленскую, Алтайскую, Северо-Кавказскую, Саратовскую, Орловскую, Киевскую губернии). Общее число хозяйств, вошедших в разработку — 10.040, а по другим применяемым в работе методам группировки доходит до 1.257 и далее до 134. Эти величины ничтожно малые для того, чтобы на них можно было основывать широкие выводы, тем более, что по признанию самого Челинцева типичность выбранных гнезд, их показательный характер подлежат сомнению. Преимущество публикуемых в данной работе материалов, по сравнению с весенними опросами и бюджетной статистикой (охватывающей еще более узкий круг хозяйств), состоит в длительности наблюдения над одними и теми же объектами. Это позволило авторам ярче оттенить те стороны эволюции крестьянских хозяйств, которые по другим материалам освещались слабо или вовсе не освещались.

Авторы исследования были связаны в своей работе программой динамических переписей, которая до 1927 г. была целиком построена на натуральных показателях (посев, скот, инвентарь и пр.). Недостаточность этих показателей, дающих сплошь и рядом извращенную картину действительности, особенно там, где речь идет о структуре хозяйства и о социальных отношениях, установлена давно. Поэтому

и основной метод группировки, применяемый авторами — по посеву, в комбинации с обеспеченностью скотом и с признаком, характеризующим основное направление хозяйства, — не может дать бесспорных результатов. Полученные выводы придется корректировать и изменять радикально.

Новшеством в данной работе является опыт исследования эволюции крестьянских хозяйств, ограниченных одними и теми же (на протяжении всего рассматриваемого периода) физическими объектами. А. Челинцев называет этот метод методом „групп постоянного состава“ (в отличие от групп переменного состава, где между интервалами происходит изменение физического состава хозяйств). Попытки в этом направлении делались и раньше, но в систематической форме этот метод применяется впервые. Нельзя отрицать, что с его помощью удается вскрыть некоторые любопытные детали процесса, но А. Челинцев приписывает ему, на наш взгляд, преувеличенное значение, и не случайно, — о соборах, побуждающих к этому, мы скажем ниже.

Весь труд состоит из двух частей: текстовой части, написанной проф. А. Челинцевым и включающей в себе также некоторые замечания его соавторов по поводу сделанных им обобщений, и таблиц, весьма детально разработанных (содержат до 120 граф). Таблицы включают в себе, помимо сведений общего характера, также и следующие разделы: структура земледелия и размеры хозяйства, обеспеченность скотом и структура животноводства, снабженность с.-х. инвентарем и состав последнего, эволюция хозяйственной мощности, промыслы и их характер, социальные отношения. (Последний раздел наиболее подробно представлен в таблицах 1926 г. Большинство признаков отсутствует в данных за предыдущие годы. Этим затрудняется исследование хронологической эволюции социальных отношений.) Текстовая часть представляет собою некое введение к таблицам, в котором, однако, автор делает попытку довольно широких и — как увидим — весьма рискованных построений, не лишенных тенденциозности. Вообще, вся статья проф. А. Челинцева представляет собою выражение упорной борьбы народнической (или неонароднической) идеологии с упрямыми фактами, никак не желающими уложиться в предписанную им теоретическую схему, и с необходимостью сохранения марксистского характера работы. В результате получается беспомощный эклектизм, который скорее запутывает читателя, рассчитывающего на введение, как на действительное объективное руководство по лабиринту статистических таблиц, чем помогает ему разобраться в них.

Начнем со сравнительной оценки, которую А. Челинцев дает методам постоянных и переменных групп. „Анализ показывает, — пишет автор, — что динамика крестьянского хозяйства, представленная группами переменного состава, не дает надлежащего представления о направлении и особенно темпе изменения размеров хозяйства и, следовательно, его мощи по посевной площади, количеству рабочего скота и размерам семьи. Это сказывается именно в преуменьшении нарастания хозяйственной мощи менее посевных групп; оно в действительности много значительнее. Динамика же высших групп переменного состава представляется или обратно тому, что переживали эти группы многопосевных хозяйств, взятые в постоянном составе, или же, отмечая правильно направление перемены (нарастание хозяйственной мощи), она в одном случае преувеличивает это, в другом — ее преуменьшает“. Таким образом, по Челинцеву, истинное лицо процесса дифференциации дает будто бы динамика групп постоянного состава. Переменный состав, по его мнению, „извращает“ картину. Не надо тратить много труда для того, чтобы обна-

ружить подоплеку этих „методологических“ рассуждений. Группы постоянного состава, излюбленные автором, включают в себе только сохранившиеся за весь рассматриваемый период без органических перемен хозяйства, т.е. крестьянские дворы 1920 г. за вычетом разделившихся, ликвидированных, вновь образованных и т. д. хозяйств. Само собой разумеется, что, беря одни и те же сохранившиеся хозяйства, мы получили меньшую глубину дифференциации между низшими и высшими группами. Это ясно даже младенцу. Но отражает ли это действительные процессы? В такой же мере, в какой отражал бы капиталистическую эволюцию метод исследования, который брал бы только сохранившиеся без органических изменений промышленные предприятия „постоянного состава“, отбрасывая прочь разорившиеся или об'единившиеся заведения. Челинцев сам чувствует натажки своих рассуждений: в одном месте он признает, что даже группы переменного состава не дают надлежащей картины, поскольку они упускают из виду крестьян, перешедших в город и переставших вообще существовать, как статистические единицы. И тем не менее, к группам постоянного состава, которые сверх того выбрасывают из поля зрения множество дворов, остающихся в самой деревни, его тянет „влечение, род недуга“.

Другой характерной чертой челинцевского метода является идеализация мелкого хозяйства, как более интенсивного. Это связано с его своеобразным пониманием интенсивности сельского хозяйства. Челинцев пользуется самыми трафаретными и заезженными признаками „интенсивности“, хотя прекрасно сознает их условность и даже приводит данные, которые наглядно показывают, что „интенсивное“ с точки зрения натуральных признаков хозяйство оказывается далеко позади „экстенсивного“ хозяйства по размерам валового дохода на единицу площади и рибсиаль, если брать величины в ценностном выражении, но сделав эти оговорки и очистив, так сказать, свою научную совесть, он затем уже без стеснения пользуется натуралистическими масштабами, при помощи которых пытается доказать — с весьма слабым успехом, — что наиболее способным к интенсификации является мелкопосевное хозяйство, что это мелкое хозяйство, благодаря большей интенсификации, отличается и большей социальной устойчивостью, прочнее „удерживает“ землю, меньше вынуждено прибегать к промыслам и т. д. Чем выше интенсификация земледелия, тем слабее выражен процесс дифференциации, и т. д. Вся эта от начала до конца народническая премудрость не выдерживает даже самого слабого сопоставления с фактами и с логикой. Курьезно, что таблицы и цифры, которые Челинцев неутомимо называет друг на друга для подкрепления своих выводов, с полной очевидностью служат для их опровержения. Таковы, например, данные Орловской губ., „где процент зерновой площади сократился в большой мере в высших посевных группах, соответственно чему и относительно больше выросла у них культура конопли и картофеля“, по Смоленской губ. („в низших по посеву большей процент льна и картофеля, но меньше развито травосеяние, в итоге чего зерновой характер земледелия все же выражен у них сильнее, чем у высших“), в Киевской губ., в Вятской губ. и др. губ. Таким образом, если даже брать понятие интенсивности в грубом и извращенном натуралистическом смысле, то оно нисколько не свидетельствует в пользу мелкого хозяйства. Челинцев объясняет это несоответствие фактов теории тем, что рыночные условия не благоприятствовали техническим культурам. Повышение цен на последние должно, по его мнению, способствовать относительно большей интенсификации мелкопосевных групп. Это по-

ложение ничем не доказано. Да и логически ни откуда не следует, что мелкопосевные группы должны быть более чувствительны к колебаниям цен, чем крупнопосевные. Наоборот, поскольку первые носят более потребительский характер, они, несомненно, должны быть и менее чувствительны к рынку. Вообще сваливание в одну кучу хозяйств, где структура на $\frac{1}{3}$ приспособлена к удовлетворению натуральных потребностей и хозяйств, ориентирующих свою основную продукцию на рынок, представляет собою образец теоретической безвкусицы. Что может сказать исследователь тот факт, что в таком-то хозяйстве весьма высок процент посева картофеля, если весь посев его 1—1,5 гектаров и имеет продовольственный характер. Изучение „структуры“ хозяйства без анализа рыночных отношений — совершенно праздное или, вернее, вредное дело, ибо вводит в заблуждение и выдает за прогресс то, что является несомненным „свидетельством о бедности“. Нашей статистике давно пора было бы подумать об изыскании таких методов, которые давали бы возможность отделять потребительские хозяйства от рыночных и более правильно улавливать тенденции развития последних.

Вряд ли стоит останавливаться на доводах об „ослаблении дифференциации“ и „росте социальной устойчивости“ по мере роста интенсификации. Челинцев доказывает это, в частности, при помощи совершенно курьезных соображений о динамике аренды земли. Сдача земли в аренду, как правило, есть признак неустойчивости хозяйства. И вот оказывается, что в условиях интенсивного ведения хозяйства сдача земли прекращается при меньшей посевной площади на хозяйство, чем в условиях экстенсивного хозяйства. Следовательно, интенсивное хозяйство „крепче“, „социально-устойчивее“ и т. д. Но ведь малая площадь может означать — в условиях интенсивного хозяйства — большие средства и большую зажиточность. Этот вопрос автор обходит молчанием.

А. Челинцев правильно отмечает, что особенности советского строя способствуют ослаблению процесса дифференциации. Несомненно, что пролетарская диктатура обладает средствами для ее систематического преодоления. Но именно для успешного выполнения этой задачи надо покончить с идеализацией мелкого земледелия, которое в руках „семейно-потребительской школы“ служит прикрытием процессов, подлежащих преодолению.

Мы отметили важнейшие недочеты и ошибки текстовой части работы, которые, между прочим, отчасти вскрыты и соавторами Челинцева, Матюхиным и Никитиным. В других отношениях она, тем не менее, обладает рядом достоинств. Заслуживают внимания следующие выводы исследования, которые не являются новыми, но которые подкреплены в данной работе более солидным материалом. За период 1920—26 гг. произошло расширение посевной площади во всех группах. В то же время уменьшилась обеспеченность рабочим скотом и инвентарем у низших групп по большинству районов. Отсюда ясно, что усилилась эксплуатация бедноты путем сдачи инвентаря, — факт, наиболее внимательно исследованный в работе Крицмана. Значительно выросла аренда земли и концентрация ее в высших группах (если брать группы постоянного состава, то происходит обратное явление). Весь период разбивается на две части: 1920—23 гг., когда действовали тенденции к нивелировке, и 1923—26 гг., когда заметно усилились процессы расслоения. За этот же период на ряду с общим увеличением роли промыслов выросла особенно роль сельскохозяйственных подсобных промыслов, что указывает на рост предпринимательства и наемного труда в самом сельском хозяйстве (к сожалению, наша статистика до сих пор еще не выбросила из

обихода этого народнического термина „промысел“, который в свое время был достаточно осмеян Лениным). Общая обеспеченность сельского хозяйства инвентарем, особенно по сравнению с выросшей посевной площадью, уменьшилась. Челинцев полагает даже, что снабжение деревни орудиями производства не покрывало за эти годы износа: „впрочем, вряд ли можно на основании ограниченного материала делать такие категорические выводы“.

В общем, публикуемый в данной работе материал даст, несомненно, новый стимул для исследований. Текстовая часть должна быть подвергнута основательнейшей критической проверке с точки зрения марксистской методологии. Эту критику, между прочим, обещают дать в следующем томе НК РКИ и Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики при Наркомпрое РСФСР, под руководством которых вышло рецензируемое издание.

А. Светлов

А. Д. Ратнер и В. П. Ренке. Каменноугольная и антрацитовая промышленность Донецкого бассейна, под ред. С. А. Гедова. Издание Донугля, 1928 г., ц. 3 рубля.

Донбасс (Южный Горнопромышленный район), справочник путевода, под ред. Э. С. Батенина, изд. Транспечати НКПС, 1928 г., стр. 462, ц. 3 р. 50 к.

Заглавие первой из этих книг — шире содержания. Тот, кто, пожившись на заглавие, захотел бы ознакомиться с геологическим описанием Донецкого бассейна, его географической характеристикой, транспортными и рыночными связями и экономической ролью в народном хозяйстве Союза, не нашел бы здесь нужных ему сведений. Он не нашел бы также картины рентабельности этой важнейшей отрасли народного хозяйства страны, ее финансового положения, структуры ее капиталов; не нашел бы перспективных планов ее развития, социальной характеристики Донбасса, описания быта шахтера, роли донецкого пролетариата в социальном развитии страны, не нашел бы и освещения взаимоотношений каменноугольной промышленности Донбасса с социальными группами населения Союза по линии рабочего персонала. Книга дает только сводку статистических данных, освещающих работу треста „Донугля“ (отчасти и всей каменноугольной промышленности Донбасса) за 1926/27 год в различных хозяйственных показателях. Тем не менее, стройности и полнота данного сборника, и наличие сравнительных данных с показателями предыдущих лет делают книгу ценным пособием для всех интересующихся развитием Донбасса. Книга состоит из обзора и 76 таблиц. Она дает перечень и характеристики всех шахт Донугля, размеры добычи по сортам и по категориям шахт, расхода на собственные нужды хозяйства, данные об обогащении углей, статистику вывоза (по группам потребителей), данные о ходе механизации производства, о выработке и потреблении электрической энергии, о размере и состоянии жилищного фонда, о численности и составе трудящихся, о производительности труда, зарработке, несчастных случаях, — и все это в подробном и методологически добросовестном виде. Хотя обзор этот носит отчетный характер и потому кончается 1926/27 годом, — сухие на первый взгляд цифры красноречиво говорят о росте Донбасса в советское время. Несмотря на все препятствия Донбасс шагает вперед крупными шагами, и, как и везде, и здесь советизация промышленности внесла свой революционный, неизвестный довоенной эпохе, элемент в виде механизации очистных работ.

Тем не менее, проблему рационализации донецкой каменноугольной промышленности далеко еще нельзя считать решенной, даже в такой, напр., области как в нефтяной промышленности, где успехи этого рода являются рекордными. Особо важно отметить это теперь, когда возможность повышения производительности труда шахтера за счет роста степени нагрузки шахт — на исходе, если и не совсем закончилась, так что центр тяжести качественного роста производства переместился в успехи технической реконструкции его и организации самого труда (НОТа) в узком смысле слова. При значительной трудоемкости этого производства, приводящей к тому, что оплата рабочей силы составляет две трети себестоимости угля, и при необходимости подтягивать зарплату в этой (отсталой по оплате труда) отрасли промышленности, — вопрос о рационализации производства является едва ли не самым важным, на ряду с вопросом о росте добычи угля. Как видно из сборника, производительность нашего шахтера все еще значительно ниже, чем в других странах.

Вторая книга как бы отчасти дополняет первую. Ее содержание значительно больше того, чего можно было бы ожидать от „справочника-путеводителя“, и делает честь ее составителям (Э. С. Батенину А. С. Лихачеву и др.). Следует признать, что настоящее издание является едва ли не первой попыткой собрать воедино в самом сжатом виде основные сведения о важнейшем из хозяйственных районов Союза, притом именно в трактовке его как экономического района с индивидуальной хозяйственной физиономией. Сборник дает географический и геологический очерки Донбасса, в сжатом виде, но с достаточной для общей характеристики полнотой, описание населения и его промышленной и сельскохозяйственной деятельности, характеристику отдельных производств, электрификации, транспорта в Донбассе. Глава „рабочий вопрос“, рисующая быт и условия работы шахтера, написана с искренним подъемом. Мы отмечаем это тем охотнее, что слишком часто личность шахтера, истинного субъекта хозяйства, прячут в сухие таблицы производительности труда и тому подобную статистику. Различные сведения справочного характера — транспортные, экскурсионные, курортные, административные и тому подобные, связанные с назначением книги как справочника-путеводителя, дополняют ее ценность, не выпячиваясь на первое место. Очень ценным является наличие нескольких карт, с нанесением на них почвенных, геологических, административных делений, путей сообщения, карты электрификации, карты эксплуатации полезных ископаемых, различных картограмм и таблиц и алфавитного указателя в конце книги. Издана книга очень опрятно.

А. Сегаль

Ленинградская область. Экономический обзор области, округов и районов и Карельской АССР. Сборник статей под редакцией С. Н. Нефедова и М. В. Рослякова, с предисловием Г. В. Цыперовича, „Прибой“, 1928. Стр. 347. Ц. 4 р.

Происходящий у нас в настоящее время процесс экономического районирования связан тесно и двустороннею связью с процессом экономического познания территории. Выделение каждой области неизменно сопровождается выходом в свет ряда работ, посвященных экономико-географическому, а чаще статистико-экономическому описанию выделяемой области.

Рецензируемая книга, как видно и из подзаголовка, относится ко второй категории. Географический элемент отсутствует, если не считать

двух черных карточек области, да коротеньких, около странички, заматок по „рельефу, почве и ископаемым“ в поокружных описаниях.

В раздел 1 книги, посвященный хозяйству области в целом, входят следующие главы: Ленинградская область в системе хозяйства СССР, промышленность, электрификация, сельское хозяйство, добываемая промышленность, транспорт и порты, торговля и кооперация, финансы, кредит и коммунальное хозяйство. Во втором разделе дается история организации области, обзор Ленинграда, а затем описание округов и районов. Поокружные описания дают материал по следующим рубрикам: состав, границы, население, населенные пункты, административное деление, природные условия, пути сообщения, земельный и лесной фонд, сельское хозяйство, промысла, промышленность мелкая и крупная, торговля, кооперация и народное образование. По тому же плану дается выделенное в третий раздел описание Карельской АССР.

Изложение ведется сплошь в стиле справочно-статистическом. Цифры мелькают на каждой странице и чуть ли не на каждой строчке. Книга явно предназначена не для чтения, а для справок, но и использование ее для справок затрудняется двумя обстоятельствами: 1) цифры вкраплены в текст, а не даны в табличной форме, 2) карт с порайонным делением не дано.

Каких-либо выводов, обобщений, характеристик в книге не приходится и искать. Их нет и в первой статье сборника, рассматривающей Ленинградскую область в системе хозяйства СССР, которая как и все остальные статьи представляет собою, собственно говоря, текстовой комментарий или вернее пересказ таблиц, оставшихся непечатанными.

Отмеченные недостатки чрезвычайно понижают ее ценность, заключающуюся главным образом в цифровых сведениях по мелким территориальным делениям вплоть до районов.¹

Это не готовое изделие и даже не полуфабрикат, а сырье. Чтобы по этой книге получить хотя бы элементарное представление о хозяйстве Ленинградской области в территориальном разрезе с учетом хотя бы поокружного деления, читателю пришлось бы проделать громадную работу, а именно — сначала восстановить по тексту таблицы, а затем эти таблицы изучать с картой в руках и с привлечением недостающих в книге сведений по физической географии области, по истории ее хозяйства и т. д. Для составления табличек пришлось бы перелистать книгу в поисках затерявшихся в тексте цифр примерно столько же раз, сколько граф должно было бы быть в табличках. При этом сплошь и рядом оказалось бы, что по одному округу интересующие данные приведены в абсолютных цифрах, по другому в относительных, а по третьему их вовсе нет. Было бы во всех отношениях удобнее и приличнее, чтобы всю эту работу за несчастных читателей проделали т. т. составители и редакторы, а затем уже приступили к изданию.

Некоторое обяснение возбуждаемым книгою недоумениям дается в редакционном введении, из коего видно, что первоначально задуманный издателем справочник не мог быть осуществлен из-за перехода его к Облсполкому, „и в распоряжении редакции оставался только материал по характеристике области, округов и районов“, который она в сильно сокращенном виде и решила „все-таки опубликовать“. В предисловии в качестве „целевой установки“ отмечается, что „сборник может быть рекомендован не только учреждениям и организациям, занимающимся

¹ Впрочем по районам дается весьма мало цифровых данных: территория, население, число промышленных (ценовых) заведений с числом рабочих, число торговых заведений с их оборотом и затем число школ, библиотек, больниц.

управлением и строительством хозяйственной жизни области, но и тем, кто готовится к этой роли в наших учебных заведениях.

Насчет пригодности сборника для обслуживания нужд хозяйственников и плановиков можно весьма сомневаться, насчет же пригодности его для учебных целей можно дать отрицательный ответ уже без всякого сомнения.

Из областных изданий к рецензируемому сборнику всего ближе по типу стоят „Материалы по районированию“ Уральской области (1924 г.) и Узбекистана (1927 г.), но по „качеству продукции“ они гораздо выше „Ленинградской области“.

Пора было бы оставить скверную привычку спешкой портить важные и нужные издания.

Н. Баранский

Хозяйство Башкирии. Политико-экономический журнал, изд. Госплана Башкирской АССР г. Уфа, 1928 г., №№ 1—5.

После неоднократных неудачных попыток организации экономического органа, освещающего проблемы хозяйства и культуры края, Госплан Башкирии, наконец, имеет свой ежесемесный журнал.

О молодом журнале нельзя, конечно, еще иметь окончательного суждения, но вышедшие пять номеров дают все же возможность высказаться как об общей постановке журнала, так и о том, как он справляется с задачами, им поставленными.

Журнал состоит из следующих постоянных отделов: экономика и экономическая политика, обзоры и материалы, хроника, библиография и статистика.

Первый важнейший отдел журнала содержит статьи по экономике, экономической политике и социально-культурным вопросам. Здесь мы имеем самые разнообразные по содержанию статьи.

В 1—2 номере помещен ряд статей, дающих интересные материалы, характеризующие хозяйственные итоги Башкирии к десятилетию Октября. Большая статья тов. Гаврилова является общехозяйственным итоговым обзором.

Башкирия — один из районов, испытавших прелести национальной политики Российского самодержавия, а потому экономически и культурно отсталый. После Октября отсталая Башкирия, будучи районом гражданской войны, подверглась еще серьезнейшим разрушениям. По окончании войны голод 1921 г. приносит новые тягчайшие удары экономической мощи и трудовым ресурсам республики.

Особенно жестоко пострадала районы, где преобладают отсталые национальности.

Таким образом, Башкирия начала восстановительный процесс лишь в 1923/24 г. и он происходил в „невероятно тяжелых условиях, в условиях крайнего обнищания и культурной отсталости масс, острой национальной розни, полной неурегулированности земельных отношений и неустойчивости административно-территориальных границ“ (стр. 6).

Тем не менее, к десятилетию Октября Башкирия имеет 70,5% довоенной посевной площади, определенные сдвиги в структуре сельскохозяйственного производства, поголовья скота и т. д. Восстанавливается и лесное хозяйство, играющее громадную роль в общем хозяйственном балансе республики, и сравнительно быстро идет восстановление промышленности и товарооборота. На базе общего народнохозяйственного подъема укрепляются финансы республики. За три последних года доходы общего бюджета увеличиваются на 60% (с 16.080 тыс. руб. до 25.763 тыс.

руб.). Расходная часть бюджета выросла за три года на 78,8% — с 12.439 тыс. руб. в 1924/25 г. до 22.586 тыс. руб. в 1926/27 г.

Эти хозяйственные итоги, однако, ни в какой степени не дают права сделать выводы о хозяйственном благополучии Башкирии.

Восстановительный процесс протекает более медленно чем в других районах страны. Во всех отраслях народного хозяйства есть крупные неразрешенные задачи, в особенности в сельском хозяйстве. Низкая товарность, падающая по всем культурам из года в год, слабый технический уровень хозяйства, отсталые формы последнего, — требуют радикальных мер по социально-технической реконструкции этой основной отрасли башкирской экономики (80% валовой продукции).

К сожалению, тов. Гаврилов, давая много фактического материала о состоянии хозяйства, слабо его обобщил и не поставил в заключительной части основных проблем хозяйственной работы. Статья строго выдержана в духе констатации совершившихся фактов и в этом ее минус.

Такого же характера и другая юбилейная статья, помещенная в том же номере — „Башкирская кооперация“ тов. Байракова.

Башкирская кооперация имеет за прошлые годы бурный рост и интенсивно вовлекает население. Так, за период 1926/27 г. число кооперативов увеличилось с 88 до 1.067 и масса кооперированного населения 2.365 до 236.431 чел., т.-е. в 100 раз. Кооперированность населения составляет: по потребительской кооперации 23,5%, сельскохозяйственной — 21,6% и кустарно-промышленной — 23,1%. Как положительный момент отмечается непрерывный рост кооперированности отсталых национальностей.

Тов. Байраков далее характеризует хозяйственную деятельность и финансовое положение кооперации и приходит к выводу, что „все далее и глубже проникая в сферу народнохозяйственной жизни Башреpublicи, кооперация здесь становится одним из крупнейших факторов, способствующих постепенному преобразованию народного хозяйства на социалистических началах“ (стр. 63).

Очередным задачам кооперативного строительства посвящены две статьи в № 3 — тов. В. Мухсинова „Колхозное строительство Башкирии“, и тов. Е. Ельтоновского, „Специализация сельскохозяйственной кооперации“. Первая статья посвящена предстоящим съездам колхозов и ставит ряд злободневных вопросов организации колхозов. Во второй статье тов. Ельтоновский доказывает на конкретном материале непригодность универсализма в с.-х. кооперации и необходимость специализации, как наилучшего способа укрепления работы с.-х. кооперации и проведения в жизнь директив XV съезда об усилении производственного кооперирования. Жаль, что тов. Ельтоновский плохо систематизировал солидный материал, сбиваясь на обыкновенный обзор истории возникновения и работы отдельных специальных союзов с.-х. кооперации.

Ряд статей касается вопросов местного бюджета. Небольшая статья тов. Григорьева „К вопросу об едином автономном бюджете“ (№ 3), посвящена злободневному вопросу для автономных республик о намечаемом законе об едином автономном бюджете.

Останавливает на себе внимание и статья тов. Горшкова „Исполнение местных бюджетов республики за 1926/27 г.“ (№ 3).

Тов. Горшков вскрывает на фоне общего роста бюджета ряд отрицательных сторон его выполнения.

Тов. Горшков намечает ряд мероприятий по укреплению местных бюджетов, главным образом, в смысле решительного сдвига в области изыскания неналоговых доходов (лучшее использование природных богатств республики, рациональная постановка коммунального хозяйства и т. п., а в расходной части — усиление внимания народному образованию,

здравоохранению и выделению большей массы средств на промышленность, дорожное и сельское строительство.

В том же первом отделе „Экономика и экономическая политика“ помещено большое количество статей краеведческого характера. Последний номер (4—5) даже почти целиком краеведческий. Несомненно положительное явление — привлечение к работе в журнале местных краеведов. Плановые органы должны опираться на их работу, но большинство помещенных в „Хозяйстве Башкирии“ краеведческих статей сугубо академичны и не связаны с конкретными ближайшими задачами хозяйственного и культурного строительства республики. Исключение представляет очень ценная статья тов. Сахаудинова, „Специфические районы Башкирии“ (№№ 1, — 2, 3) и Р. А. Гентнера, „Перспективы улучшения овцеводства Башреспублики“. Обе статьи намекают, на основании глубокого анализа, мероприятия по рационализации сельского хозяйства Башкирии.

Несколько статей в журнале посвящены проблемам социально-культурного строительства. В частности, отметим интересную статью тов. Адигамова „Проблема введения всеобщего начального обучения в Башкирии“ (№ 1—2), знакомящую читателей с генеральным 15-летним развитием сети культурно-просветительных учреждений Башкирии, разработанным Башгоспланом.

В отделе „Обзоры и материалы“ обращают внимание обзор работы областной государственной промышленности (№ 1—2), конъюнктурные обзоры Башкирского хозяйства, составленные А. С. Сутягинным и характеристика промтоварного рынка БССР, данная Р. А. Кузнецовым в № 4—5.

Таково в основном содержание журнала. В заключение несколько общих замечаний. Положительным моментом является выдержанность журнала в смысле местного материала. На протяжении всех пяти номеров мы не находим совершенно статей общего характера. Однако, это достоинство сопряжено с недостатком — трактовка тем узко местная, Башкирия не выглядит как составная часть общего хозяйственного организма страны. Подбор материалов в журнале случайный, это чувствуется в каждом номере.

Случайность подбора материала приводит к тому, что журнал не имеет определенного лица. Судя, напр., по № 3 это политико-экономический ежемесячник, а № 4—5 — это уже местный краеведческий орган. Экономика теряется в академических исследованиях, скорее подходящих для специального научного журнала. В журнале нет ни одной статьи, посвященной хозяйственным перспективам республики. Многие статьи журнала очень велики, растянуты и стилистически хромают.

Журнал, создавшийся в обстановке слабой обеспеченности научными и литературными силами, конечно, не может быстро поднять ту массу сложных вопросов, которую выдвинула жизнь, на первых шагах не обойдется без тех или иных изъянов, и мы не хотим предъявлять большие требования, но отмеченные нами недостатки не мешало бы устранить в ближайшее время.

А. Попов

Бялецкий В. А., Кравцов С. С., Кольман Э. Г., Потемкин М. П., Хибарин И. М., Яковлев А. А. Наш Союз. Белоруссия. Издание „Московский Рабочий“, Москва, 1928 год, стр. 118, тираж 7.000, цена 60 коп.

Проф. М. В. Довнар-Запольский. Экономическая география СССР. Западный район (Белорусская ССР и Западная область РСФСР), издание ГИЗ РСФСР. Москва, 1928 г., стр. 108, тир. 4.000, ц. 1 р. 10 к.

БССР в числе некоторых других районов нашего Союза до последнего времени не пользовалась вниманием авторов, разрабатывавших ма-

териалы экономической географии СССР по районам, оставаясь своеобразной terra incognita для читателей, проживающих за ее пределами. Чтобы быть объективным, отметим к стати, что подобной неосведомленностью в вопросах экономики и культуры БССР нередко страдают и читатели БССР, ибо Белорусское государственное издательство до сего времени не удосужилось выпустить на книжный рынок достаточно полного и популярного труда по экономгеографии Белоруссии.

В подобных условиях почти полного отсутствия систематизированных материалов экономики и культуры БССР вполне понятен живой интерес к трудам рецензируемых нами авторов, поставивших, повидимому, своей целью заполнение существовавшего пробела.

Прежде чем обратиться к детальному разбору рецензируемых книг, претендующих на освещение экономики и культуры БССР, вывям самый необходимый и скромный объем тех требований, которые мы вправе предъявить к авторам подобных работ.

Нам пора отказаться от традиционных экономико-географических очерков районов Союза с классической структурой: исторический очерк, природа, население, сельское хозяйство, промышленность, торговля, пути сообщения и т. д.

Подобные очерки, каждая глава которых излагается статистически, а не экономико-географически, без внутренней связи отдельных элементов экономики между собой, очерки, не дающие обычно полной картины хозяйственной эволюции района в наших условиях, должны отойти в прошлое. Они загромаждают лишь книжный рынок, ибо в последующем их ждет неминуемая участь книжной завали, реализуемой с большими затруднениями со складов издательств в качестве макулатуры. Издания подобного рода, представляющие собой обычно не систематизированный конгломерат устарелых, голых статистических данных, читателю порядком надоело и появление их на книжном рынке не вызывает с его стороны и тени заинтересованности. Теперь читатель не удовольствуется такими изданиями, предъявляя повышенные требования к экономико-географической книжной продукции.

Уже недостаточно дать хотя бы и подробное экономико-статистическое описание. Издания, претендующие стать вкладом в экономгеографическую литературу Союза, прежде всего, должны давать четкую и ясную характеристику того или иного района, характеристику, которая являлась бы ключом к пониманию всех частностей его хозяйства, т. е. расшифровывала бы содержание „плановой души района“, заложенной в основу районирования Союза. Особо надлежит подчеркнуть необходимость выявления внутренней экономической увязки между отдельными отраслями хозяйства внутри района и его экономической эволюции за последние годы. Не менее важно дать представление о разрыве межобластных связей во время 1914—21 гг. и выявить произошедшие за последние годы сдвиги во взаимоотношениях с соседними районами.

Лишь при соблюдении таких элементарных условий исследования по вопросам экономики и культуры отдельных районов Союза можно назвать удачными.

Внимательное ознакомление с рецензируемыми нами изданиями приводит к неутешительному выводу, что как пять авторов „Белоруссии“ так и проф. Довнар-Запольский оказались в плену старых, отживших традиций.

„Белоруссия“ — пяти авторов, написана популярным языком, что свидетельствует о том, что авторы пишут для массового читателя. Однако, популярная, приобретающая форму вульгаризации, как это имеет место в данном случае, заслуживает самого беспощадного осуждения в интересах того же „широкого“ читателя.

Весь этот труд, отдельные главы которого ничем не связаны между собой, представляет блестящий образец худших традиций прежних составителей аналогичных очерков. Книга „Белоруссия“, в буквальном смысле слова, является результатом работы ножиц и клея, выпиской цитат, приведение которых в тексте ничем не отмечается, а источники стыдливо замалчиваются.

Несмотря на наличие современных данных (за 1926/27 коэ. год) по всем отраслям народного хозяйства БССР, включая присоединенные в 1926 году Речицкий и Гомельский уезды, авторы „Белоруссии“ беззаботно пользуются пыльным статистическим материалом прошлых лет, этого обстоятельства не оговаривая и тем самым внося путаницу в голову читателя.

Книга снабжена иллюстрациями, изображающими характерные черты быта, экономики и этнографические типы Белоруссии. Происхождение большинства этих иллюстраций оказывается чрезвычайно занимательным. Они взяты из труда Семенова „Россия“ (т. IX), вышедшего в издании Дэвриена в 1902 году. Только беспардонным архаизмом авторов можно объяснить их исторические экскурсы к началу настоящего века в то время когда они могли с затратой меньшей энергии снабдить свою книгу более современным иллюстративным материалом.

В значительной части книги авторы, мягко выражаясь, идут на поводу цитируемых, но не указываемых ими трудов, включая работу Семенова. В тех же случаях, когда авторы пытаются вести повествование самостоятельно, они неминуемо попадают в довольно конфузное положение. На стр. 37 мы читаем: „Спрос на древесину со стороны Украины в связи с постройкой Днепровской станции и развитием промышленного строительства должен увеличиваться, откуда следует, что и стоимость древесного топлива тоже непрерывно должна возрастать“. Откуда следует, что при наличии нашей установки на снижение продуктов промышленности цена на топливо, составляющая значительный процент расходов производства, будет возрастать? Мы склонны объяснить это „откуда“ легким отношением наших авторов к теме — в лучшем случае, или коллективной их неосведомленностью в элементарных вопросах советской экономической политики — в худшем.

Небольшая книжка обильно снабжена подобными положениями и в нашу задачу не входит их перечисление.

Авторы, взявшие на себя задачу выявить вопросы национальной политики в БССР, убежденно повествуют, что из четырех наций, проживающих в Белоруссии, „две — белоруссы и евреи — при царизме являлись гонимыми“ (стр. 117). После такого утверждения невольно напрашивается вывод о том, что поляки, насчитываемые в современных границах БССР до 100 тыс. чел., в прошлом пользовались особыми симпатиями со стороны царского правительства. Насколько это неправдоподобно, известно каждому пионеру, но не коллективу авторов „Белоруссии“.

В заключении, желая, повидимому, поразить терпеливого читателя своею осведомленностью в вопросах административного деления БССР, авторы утверждают, что „после последнего укрупнения и районирования БССР состоит из пяти округов: Минского, Витебского, Могилевского, Бобруйского и Гомельского“ (стр. 117). Напрасны будут попытки недоуменного читателя выяснить судьбу существующих для настоящего времени

Полоцкого, Мозырского и Оршанского округов, что легко без труда установит по любому официальному справочнику последних лет. По „авторитетному“ заявлению наших авторов эти три округа уже не существуют в природе.

Этот далеко неполный, перечень грубейших искажений авторами „Белоруссии“ истинного положения о БССР дает основание сделать следующий вывод: семь тысяч экземпляров „Белоруссии“ в издании „Московского Рабочего“ — это необычайно обильный и вредный урожай „развесистой клюквы“ на нашем книжном рынке. Коллектив авторов „Белоруссии“ произвел лихой кавалерийский налет в область ему совершенно неизвестную. Своей дешевой и новизной темы книжка может обмануть доверчивого читателя.

Вторая рецензируемая нами книга в части, касающейся БССР, имени автора проф. Довнар-Запольского и солидности издательства (изд. ГИЗ РСФСР как отдельный выпуск серии экономической географии СССР под редакцией М. Б. Вольфа и Г. В. Мебуса) совершенно недвусмысленно претендует занять соответствующее место в экономгеографической литературе. К ней мы вправе предъявить повышенные требования.

По прочтении ее, однако, приходится убедиться, что и тут мы имеем дело с перетряхиванием народнохозяйственного инвентаря постарой традиции и с применением устарелых статистических данных. Структура этого труда классически традиционна, прежняя. В отдельных главах книги проф. Довнар-Запольского точно также отсутствует внутренняя связь отдельных элементов экономики БССР, отсутствует характеристика Белоруссии, как производственного комбината с определенной специализацией в общесоюзном масштабе. Отсутствие столь необходимой характеристики БССР составляет, по нашему глубокому убеждению, основной крупнейший недочет работы проф. Довнар-Запольского.

Вторым, не менее существенным дефектом рецензируемой книги является отсутствие статистических данных последних лет (в книге, вышедшей в 1928 г. использован материал 1926 г.).

К тому же, как заявляет сам автор, ему не удалось органически слить вновь присоединенные Гомельский и Речицкий уезды с остальной Белоруссией. В оправдание автор заявляет, что „эта работа еще не произведена местными Статбюро и едва ли и в будущем будет достигнута полная сопоставимость цифр“. Оставляя в стороне ничем не оправданный пессимизм автора о будущем, отметим лишь, что ЦСУ БССР, как нам известно, уже к концу 1927 г. располагало полными исчерпывающими данными по укрупненной Белоруссии.

При этих условиях невольно напрашивается вывод о некоторой поспешности автора, идущей за счет отказа от более свежих материалов по экономике БССР. Если к этому прибавить известную легкость обращения автора с источниками и цифровым материалом, то станет совершенно понятным наше утверждение о малой значимости и этого труда для получения правильного представления о состоянии экономики и культуры БССР. При выявлении подобных основных недостатков книги проф. Довнар-Запольского нет нужды приводить список имеющихся в книге отдельных дефектов.

Тщательное ознакомление с обоими изданиями, ставшими целью изучения экономики и культуры БССР, приводит к неутешительному выводу о том, что эта актуальная задача остается неразрешенной и до настоящего времени.

Всесоюзная перепись населения 1926 г., том 1. Северный район, Ленинградско-Карельский район. Отдел 1. Народность, родной язык, возраст, грамотность. Изд. ЦСУ, Москва, 1928, стр. 303 Ц. 3 руб.

Как указывается в предисловии, вся публикация материалов переписи 1926 г. займет 56 томов, при чем в состав их войдут три серии по 17 томов (с пообластным делением) с данными в первой — о народности, родном языке, возрасте и грамотности; во второй — о главных и побочных занятиях для самодеятельных и о распределении несамодельных по занятиям кормильцев и в третьей — о семейном состоянии, подвижности, об увечных и психически больных; кроме того, один том будет посвящен безработице и четыре тома — данным владенных ведомостей и семейных карт. При этом все издание, не в пример прежним переписям, закончится очень быстро — уже в 1929 г.

Судя по первому тому, быстрота выполнения отнюдь не понижает качества издания. Таблицы в смысле группировок развернуты очень широко и дают возможность легкого и быстрого использования материала в весьма различных направлениях.

Основную часть тома составляют таблицы VI—XI, относящиеся к наличному населению. Таблица VI дает — по области в целом и по каждой губернии отдельно — для каждой национальности ее распределение по полу и затем внутри каждого пола по двум признакам: а) владению языком своей народности или не своей (и для последнего случая русским или прочими) и б) грамотности всего (на любом языке) и в том числе на языке своей народности. Как видим таблица дает достаточно полное и развернутое представление о национальном составе сразу по трем основным признакам — происхождению, языку и грамотности. Таблица VIII дает в подлежащем (в строках) распределение по родному языку, а в сказуемом (в графах) — для области и для каждой губернии — распределение на городское и сельское.

В таблице IX — опять-таки по области в целом и отдельно по губерниям — в подлежащем — возрастные группы, а в сказуемом — „все население“, „русских“ и „прочих“ с подразделением на мужчин и женщин и с выделением в каждом случае грамотных; для городского и сельского населения даны особые таблицы.

Таблица X дает в подлежащем административно-территориальное деление вплоть до волостей, а в сказуемом — распределение по национальности с учетом отдельно народности и родного языка. И, наконец, таблица XI дает в подлежащем возрастные группы с выделением грамотных для групп, начиная с пятилетней, а в сказуемом территориальное деление вплоть до волостей. К тому приложен алфавитный указатель населенных мест и административных подразделений и две карты — для той и другой области — административного деления вплоть до волостей.

Из приведенного выше содержания основных таблиц ясно, что издание уже в настоящей первой серии дает богатейший материал как для практической работы (районирование, ликвидация неграмотности, школьная сеть и т. д., и т. п.), так и для работы научно-исследовательской в области демографии, этнографии, национальной культуры, в частности по вопросам о влиянии мировой войны и революции на рост населения, о роли голода 1921 г., о процессах денационализации и т. д. и т. п.

Поскольку разработка материалов для всех более важных признаков дает сведения по мельчайшим единицам административно-территориального деления вплоть до волостей, издание переписи представляет крупный интерес и с географической точки зрения. Ближайшей стадией работы над материалами переписи — стадией, важной для использования этих материалов по всем решительно линиям — было бы их картографи-

рование. И с этой точки зрения нельзя не отметить ряда трудностей, которые в большей или меньшей степени дадут себя знать во всех случаях, когда дело будет касаться пространственного размещения явлений.

Трудности эти заключаются в следующем: 1) в отсутствии учета площадей по мелким территориальным делениям; 2) в чрезмерной крупности для „пустопорожней“ северной окраины даже такой единицы, как волость и 3) в „текучести“ территориального деления, затрудняющей сравнение во времени по достаточно мелким территориальным единицам

Н. Б-ский

Р. Зонтер. Новый немецкий империализм. Изд. „Прибой“ Ленинград. 1928 г. Перевод с рукописи под редакцией Т. А. Аксельрода, с предисловием А. Тальгеймера, стр. 160, ц. 1 р. 50 к.

За последние несколько лет — после революционного кризиса 1923 г. и периода, связанного с выработкой основ применения плана Дауэса 1924/25 г. — Германия привлекла к себе внимание нашей прессы, главным образом, с кон'юнктурной точки зрения. Между тем, в ней происходили значительные органические процессы, изменившие — во многих отношениях коренным образом — прежнее изложение вещей.

Характеристике этих времен и посвящена книга Зонтера. Основное изменение, отличающее Германию наших дней от Германии 1919—1924 гг., состоит, по мнению автора в том, что Германия перестала быть бесильным объектом империалистической политики мировых держав и сама сделала носительницей империалистической политики. Германия вышла из состояния национального порабощения, последовавшего за военным разгромом и превращается в крупный фактор, определяющий соотношение сил и направление политики современных империалистических групп. Чтобы показать источники и движущие силы этих перемен, Зонтер берет за основу ленинскую формулу империализма и внимательно прослеживает эволюцию каждого из ее составных элементов на протяжении послевоенного десятилетия в Германии.

Прежде всего — роль монополий как основной базы империализма. В Германии, как известно, и до войны не было недостатка в монополиях. Военный разгром привел к значительному ослаблению крупнейших монополистических групп, период инфляции возродил их частично на искусственной кон'юнктурной основе (Стиннес), за ним следует второй крах под ударами стабилизации 1924 г. и, наконец, новый усиленный рост монополистических организаций в 1925/26 г., который иллюстрируется автором хорошо подобранными данными. Но монополии 1925 — 1927 гг. качественно отличаются от довоенных, являясь по отношению к ним высшим типом. Прежде всего, они в громадной степени усилили свой удельный вес, дойдя во многих отраслях до абсолютных монополий, но, что еще важнее, изменился самый тип централизации. От рыхлых форм объединения типа картелей и концернов Германия решительно перешла к трестификации, знаменосцами которой сделали за короткий срок два могущественнейших гиганта — сталелитейный и красильный тресты.

В изменении характера монополий Зонтер видит одно из основных отличий нового немецкого империализма от старого. Что касается таких сторон империализма, как господство финансового капитала и финансовой олигархии, вхождение в интернациональные организации, экспорт капитала, то в этих направлениях, после пертурбаций периода 1919—1924 гг. снова восстановлены старые отношения и старые тенденции, выраженные отчасти сильнее, отчасти слабее довоенных. Так, интернационализация

экономических связей выражена теперь сильнее. Германские монополии входят теперь в 60—70 международных объединений монополистического характера, из которых наиболее значительную роль играет международный сталелитейный картель. Весьма существенная новая сторона этих интернациональных отношений германского капитала состоит в том, что он все чаще вступает на путь непосредственного заключения торговых договоров с иностранными картелями, минуя и отчасти заменяя собою официальные государственные институты. Кроме того, протекционистская система все больше и больше превращается в систему обслуживания конкретной монополизированной отрасли промышленности, господствующей внутри страны — за счет других отраслей.

Роль финансового капитала начала возрождаться после инфляции, которая сопровождалась сильным падением роли банков. То же и с экспортом капитала, хотя Зонтер склонен рассматривать и бегство капитала из Германии во время инфляции, как разновидность экспорта капитала. И то и другое, однако, еще отстают от довоенного уровня развития, хотя быстро приближаются к нему.

Наиболее слабым звеном «нового германского империализма» — поскольку речь идет об его экономической основе — является то обстоятельство, что Германия не участвует в разделе мира, что связано с отсутствием у нее колоний, отсутствием монополизированных территорий, которые могли бы питать сырьем ее могучую индустрию и служить обеспеченными рынками сбыта ее изделий. Зонтер считает это самым уязвимым местом германского империализма, которое превращает его в империализм старческий, бесперспективный и, натягивающийся на безысходные препятствия и противоречия уже с первых шагов своего развития. Отсюда проистекают и другие черты застоя и гниения: неиспользованность производственного аппарата, колоссальная безработица, высокий уровень внутренних цен, отсталость внешней торговли от других показателей и т. д. Может ли Германия преодолеть этот органический порок своей империалистической системы? Завоевание внешних рынков экономическим путем, т. е. дешевой товаров, возможно только путем давления на рабочий класс и повышения внутренних цен. И то и другое суживает внутренний рынок и рождает новые противоречия. Завоевание колоний путем каких-либо мирных дипломатических комбинаций Зонтер считает исключенным: мир уже поделен, передел возможен только в результате нового военного кризиса. Остановившаяся на политической стороне дела, Зонтер находит, что Германия неизбежно будет искать выхода на путях западной ориентации, т. е. участия в антисоветской борьбе на стороне Англии, если только противоречия между ней самой и Англией или между Англией и Соед. Штатами не созреют раньше, чем открыт конфликт между Англией и СССР. Анализируя интересы различных групп империалистической буржуазии внутри самой Германии, Зонтер приходит к выводу, что основным носителем «западной ориентации» является химический трест, в то время как сталелитейный, имея больше точек столкновения с французской и английской тяжелой индустрией, склонен к более осторожной и примирительной политике на востоке.

Укрепление политических позиций Германии в области международных отношений, нашедшее себе выражение в Локарнском договоре во вхождении Германии в Лигу Наций, в фактической отмене целого ряда условий Версальского договора планом Дауэса, Зонтер выводит из следующих обстоятельств: распада союза победителей и нарастания противоречий между ними (главным образом, Англия—Франция), противоречия между Англией и СССР, дающего Германии возможность баланси-

ровать с целью подороже продать свою поддержку Англии, наконец, влияния Соед. Штатов в Европе. Последнему фактору автор уделяет, правда, самое незначительное внимание. Автор отмечает целый ряд успехов Германии на основе этого «пролезания в щель» империалистических противоречий, и показывает, каким образом «политика выполнения» плана Дауэса маскирует собою фактическую и небезуспешную борьбу германской буржуазии против наиболее стеснительных параграфов Версальского договора.

Много внимания уделено в книге анализу внутренней политики германского империализма и взаимоотношению классов на этом новом этапе, а также позиций II интернационала и германской социал-демократии в вопросе об отношении к империализму. Последние скандалы, имевшие место на Брюссельском конгрессе II интернационала во время обсуждения колониального вопроса, служат прекрасной иллюстрацией выводов автора относительно социал-империалистической сущности этих организаций. Социал-демократия фактически держит внутри Германии единый фронт с империалистической группой «Химического треста», помогая ему маскировать действительный смысл своей политики демократически-пацифистской фразеологией. Эта помощь тем важнее для германского империализма, что он лишен возможности привлекать на свою сторону сколько-нибудь значительные слои рабочих путем «подкармливания».

Работа Р. Зонтера оставляет впечатление серьезного и вдумчивого очерка. Автор, несомненно хорошо подготовленный марксист, легко ориентирующийся не только в экономической, но и в сложной и запутанной политической проблеме современного германского империализма. Тем не менее, в книге есть некоторые существенные, на наш взгляд, пробы и ошибки.

Местами анализ причин у него смешивается с «чистым описанием», которое к тому же не исчерпывает явления. Довольно часто он сбивается на то, чтобы считать причиной нового германского империализма его экономические предпосылки: монополии, финансовый капитал и т. д. Это, конечно, неверно. Предпосылки существовали и раньше и обеспечивали до войны несравненно более могучий размах германского империализма, хотя монополии, напр., были слабее развиты. Эти предпосылки продолжали существовать и в самые тяжелые для Германии годы в качестве потенциальной силы. Основной базис германского империализма — не организационные формы хозяйства, а само хозяйство, сама промышленность, взятая как комплекс материально-технических и экономических элементов. Эта могучая индустрия возникла и развивалась на империалистических дрожжах и вне системы империализма существовать не может, поскольку речь идет об ее существовании на капиталистических началах. Крушение и восстановление германского империализма является, следовательно, не чем иным, как функцией распада и восстановления германской индустрии. С этой точки зрения Зонтер совершенно правильно замечает, что поскольку Версальский договор не уничтожил и не мог уничтожить германскую экономическую систему, возрождение Германии как империалистической страны было совершенно неизбежно.

Другой причиной восстановления империализма является ликвидация революционного кризиса в стране, который вплоть до конца 1923 г. парализовал силы германской буржуазии. Это в известной степени явилось даже предпосылкой восстановления экономической основы империализма, другой предпосылкой которого явился прилив американского капитала.

„Интернационализацию“ германского империализма в связи с планом Дауса Зонтер совершенно не рассматривает. В книге нет даже и попытки определить удельный и политический вес американских вложений в германское хозяйство, а без такого исследования анализ германского империализма, конечно, страдает существенным изъяном. Отсюда и недооценка плана Дауса со стороны его негативных результатов. Тот факт, что американский капитал высказался за первоочередную уплату Германией долгов по иностранным займам, а не долгов по репарациям, Зонтер считает „важной победой германского капитала“, хотя сам же указывает на смысл этой победы: „Это, в сущности, с полной ясностью показало, что частные кредиторы Германии, т.-е., главным образом, американские крупные банки, будут определять судьбу плана Дауса, а не комиссия по репарациям и не главная заинтересованная страна — Франция“. Такой результат, само собою разумеется, выгоднее для Германии, но Зонтер упускает из виду, что главные плоды этой победы все же достанутся кредиторам, а не должнику.

Нельзя считать удачной аналогию, которую выдвигает Зонтер и поддерживает Тальгеймер в своем предисловии, — аналогию между Германией и Соед. Штатами в довоенное время с точки зрения экспорта капиталов. Конечно, экспорт капитала на основе импорта его из более богатых стран не отменяет империалистического характера капитального экспорта. Соед. Штаты находились до войны в таком же положении, как Германия в настоящее время. Но перспективы совершенно различны; это настолько ясно, что не стоит даже тратить по этому поводу лишние слов.

Касаясь более мелких недочетов книги, отметим умолчание Зонтера о роли государственного хозяйства в современной Германии, которое играет несравненно более крупную роль в экономической системе империализма, чем до войны, и составляет одно из важнейших „своеобразий“ нового империализма (см. об этом статьи Лапинского в „Большевик“). Наоборот, Зонтер склонен даже преувеличивать тенденции частного хозяйственного порядка, направленные к суживанию функций государства со стороны монополий. В действительности, имеется переплет обеих тенденций.

Анализ роли финансового капитала в книге крайне поверхностен и схематичен, при чем автор сбивается на вульгарное понимание этой роли, как господства банков над промышленностью.

Но в общем работу Зонтера можно приветствовать, как первую попытку серьезно разобраться в новой обстановке, созданной восстанием влечения экономической мощи Германии и вытекающими отсюда политическими последствиями.

А. С.

Русско-японское обозрение. Орган посвященный вопросам экономики СССР, Японии и стран Дальнего Востока. Печатается на русском и японском языке, год издания второй, №№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, за 1927 г. и 1, 2, 3 и 4 за 1928 г.

В вступительной статье, напечатанной в первом номере, редакция рецензируемого журнала, обращаясь к своим читателям, сообщает о задачах и целях, преследуемых журналом. „Мы поставили целью, — пишет редакция, — способствовать торговому и промышленному развитию стран Дальнего Востока и в первую очередь СССР и Японии, ... между народами которых есть много возможностей к установлению прочных экономических связей. Несмотря на благоприятное географическое положение и различие главных товаров обмена русско-японская торговля, исключая время войны, в прошлом выразилась в самых скромных цифрах; всего

4—5 млн. иен. Несомненно, одной из главных причин такого слабого развития торговых взаимоотношений Японии и России была взаимная малоосведомленность этих двух стран“.

Поставленная цель определяет и структуру журнала, который делится на две части — на русскую, дающую информацию Японии, и японскую, информирующую японские деловые круги о положении в СССР.

Весь печатный материал можно подразделить на следующие группы: 1) статьи, освещающие различные проблемы народного хозяйства Японии и динамические сдвиги, наблюдаемые в нем; 2) статьи, посвященные советско-японским экономическим взаимоотношениям; 3) обзоры рынков и конъюнктурные обзоры Японии 4) экономическая информация о Японии и СССР и 5) товарный бюллетень.

В статьях первой группы явно намечается уклон в сторону освещения индустриальных и транспортных проблем японской экономики; эти проблемы разбираются в большинстве случаев очень серьезно, (как, например, статья в № 2 1928 г. — „Японское судостроение и судоходство“ или „Электрическая промышленность Японии“ в №№ 6 и 7 1927 г. и прочее) и сопровождаются богатым статистическим материалом. Зато остальным проблемам уделено сравнительно с первым гораздо меньше внимания.

Отдел, посвященный советско-японской торговле, особенно в последних 5—6 номерах, ведется очень интересно, постоянно затрагивая наиболее актуальные вопросы наших взаимоотношений с Японией, как по линии концессионной, так и по линии чисто торговой. При чем особенно ценно то, что помимо статей общего характера, как, например, „Торговые взаимоотношения СССР о Японии“ (№ 2 за 1928 г.) „Русско-японская внешняя торговля“ (№ 5 за 1927 г.) и „Советско-японская торговля“ (№ 3 за 1928 г.), много внимания уделяется статьям более специального характера, детально анализирующим отдельные проблемы советско-японских отношений, а именно „Выход русской платины на японский рынок“ (№ 6 за 1927 г.), „Сибирская фанера на японском рынке“ (№ 1 за 1928 г.), „Потребность Японии в сибирском овсе“ или „Второстепенный экспорт из СССР в Японию“ (№ 2 за 1928 г.), и ряд других. Кроме этого, чрезвычайно интересны приводимые также и интервью с видными руководителями японской политики по поводу тех или иных вопросов текущего момента (см. № 1 за 1928 г.).

Текущие обзоры рынков не носят систематического характера, о чем можно только пожалеть, их, как видно, редакция заменяет отдельными случайными информационными, разбросанными по отделу „Из экономической жизни Японии“. Конъюнктурные обзоры Японии начали появляться только с начала 1928 г. Первый из них — годовой (напечатан в последнем январском номере) является интересным и обстоятельным, второй же, помещенный в № 3 за 1928 г., сравнительно с первым очень слаб. Целый ряд весьма важных и чутких показателей, например, шелковый рынок, на котором именно в течение первых месяцев 1928 г. наметились некоторые изменения; учетный процент, курсы биржевых акций и государственных бумаг и проч., остались совершенно не затронутыми, приведенные же данные, например, о курсе иены или о ценах носят только сухой информационный характер и отнюдь не разобраны с конъюнктурной точки зрения, что в значительной степени ослабляет ценность столь необходимых и важных конъюнктурных обзоров, появление которых в „Русско-японском экономическом обозрении“ надо лишь приветствовать.

Отдел экономической информации под названием „Из экономической жизни Японии“ поставлен очень хорошо. Приводимые данные,

самого разнообразного характера, новы и очень интересно подобраны, при чем важно еще то, что они обычно с небольшими, но существенными комментариями. Желательно было бы только еще несколько расширить информацию о положении денежного рынка.

Наконец, „Товарный бюллетень Токийской биржи“ давал подробные сведения о ценах на целый ряд самых различных товаров. Однако, жалко, что эти цены давались только на одно число каждого месяца, без всяких сравнений с предыдущими периодами текущего и прошлого года. Учитывая, что такие полные и свежие данные о японских ценах попадают очень редко в печати, было бы чрезвычайно важно более детально (хотя бы прибавив для сравнения две цифры) разработать этот отдел. К сожалению, „Товарный бюллетень“ приводится не в каждом номере и это в значительной степени уменьшает ценность столь полезного отдела. Помимо сообщения о ценах, очень интересно было бы в дальнейшем вести таблицу основных конъюнктурных показателей Японии.

Учитывая столь недолгий срок существования, надо признать, что „Русско-японское экономическое обозрение“ выполнило удачно довольно значительную долю поставленных перед собой задач. Однако, необходимо обратить все-таки внимание редакции на ряд пробелов в журнале, сравнительно легко в дальнейшем устранимых. Прежде всего, нужно указать на отсутствие статей общего характера, которые давали бы с одной стороны оценку современного экономического положения Японии и выявляли бы точку зрения редакции на происходящие теперь столь важные экономические процессы в японском народном хозяйстве, а с другой стороны—высказывали хотя бы в весьма предположительной и частной форме мнения о дальнейших перспективах. Несмотря на возможные ошибки в этом отношении, это мнение было бы все-таки ценно, как людей, наблюдающих экономику Японии в самой Японии.

Другим (крупным) пробелом является очень незначительное внимание к финансовым проблемам обмена. Так, например журнал почти проходит мимо (не считая небольших чисто информационных сообщений) таких больших и важнейших вопросов как стабилизация иены, снятия эмбарго на золото, целый ряд других операций от разрешения которых, конечно, зависит и весь ход индустриализации Японии, которой так интересуется журнал. До сих пор журнал не дал анализа внешней торговли Японии за 1927 г., несмотря на то, что уже подробные данные были приведены не только в японской, но и американской и европейской печати. Совершенно также ни разу не затрагивался исключительно важный для Японии вопрос о динамике японских цен и соотношении их с мировыми. Это должно быть освещено именно теперь, когда цены в Японии после долгого периода снижения, по мнению многих, дошли до своего предельного низкого уровня. Отсутствуют также данные, касающиеся вопросов труда. Например, не приводится даже индекс заработной платы рабочих различных профессий, печатаемый в различных японских экономических журналах.

Несмотря на пробелы и вполне естественные недостатки, которые имеются в столь молодом журнале, надо сказать, что он безусловно является полезным и нужным вкладом в нашу востоковедческую литературу.

К. Попов